

Беляева Мария Евгеньевна

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ РАСТИТЕЛЬНОСТИ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ СКАЗКАХ АБОРИГЕНОВ КАМЧАТКИ

Статья посвящена рассмотрению мифологических сказок Вороньего цикла. Целью исследования явилось выявление семантики и функции растительности, содержащейся в структуре фольклорного текста, определение специфических связей семантики растений с мифологией и ритуалами. Актуальность состоит в возможности введения новых научных данных исследования, полученных на материале культуры бесписьменных народов, в состав науки фольклористики. Перспектива исследования представляется в возможности выявления специфических связей между растительным и животным миром в обрядах и фольклоре народов Камчатки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. III. С. 35-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис:** учебное пособие для студентов педагогических институтов и университетов по специальности № 2103 «Иностранные языки» (на англ. яз.) / Н. А. Кобрина и др. СПб.: СОЮЗ, 1999. 496 с.
6. **Грамматика современного английского языка:** учебник для студ. высш. учеб. заведений (на англ. яз.) / О. В. Емельянова и др.; под ред. А. В. Зеленщикова, Е. С. Петровой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003. 640 с.
7. **Маслов Ю. С.** К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной типологии. Л.: ЛГУ, 1978. С. 4-44.
8. **Плунгян В. А.** Общая морфология: введение в проблематику: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
9. **Якобсон Р. О.** Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95-113.
10. **Blokh M. Y.** A Course in Theoretical English Grammar (Теоретическая грамматика английского языка: учебник для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов). М.: Высшая школа, 1983. 383 с.
11. **Bradford B.** Her Own Rules. N.Y.: Harper Collins Publishers. 1997. 326 p.
12. **Bronte Ch.** Jane Eyre. M.: Foreign Languages Publishing House, 1956. 568 p.
13. **Chase J. H.** Come Easy, Go Easy. M.: Айрис Пресс, 2002. 268 p.
14. **Christie A.** The Mysterious Affair at Styles. N.Y.: Berkley Books, 2000. 158 p.
15. **Clark M. H.** Weep no More, My Lady. N.Y.: Pocket Books, 1999. 518 p.
16. **Dreiser Th.** Jennie Gerhardt. M.: Менеджер, 2004. 384 p.
17. **Greene G.** The Quiet American. M.: The Higher School Publishing House, 1968. 268 p.
18. **Maugham W. S.** Theatre. M.: Vysshaya Shkola, 1985. 222 p.
19. **Mazer N. F.** When She Was Good. N.Y.: POINT, 2004. 320 p.
20. **Melville H.** Moby-Dick or the Whale. Hawai: Books Association, 1996. 608 p.
21. **Tolkien S.** Final Witness. N.Y.: Random House, 1999. 278 p.
22. **Warren R. P.** All the King's Men. M.: Progress Publishers, 1979. 448 p.
23. **Wilde O.** The Picture of Dorian Gray. Kiev: Dnipro Publishers, 1978. 230 p.

THE DEPENDENT TAXIS IN SEMI-COMPLEX SENTENCES OF THE ENGLISH LANGUAGE

Arslanov Valeriy Shaimardanovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
Val_arslan@bk.ru

The article is devoted to the research and illustration of the means of expression of taxis relations in semi-complex sentences of the English language. Non-finite verbs are the main structural elements in the construction of semi-complex sentences of various structural types. Despite the lack of paradigms of tense categories, non-finite verbs can also convey taxis meanings and it is necessary to take into account while presenting the material in practical grammar.

Key words and phrases: dependent taxis; semi-complex sentences; anteriority; posteriority; semi-complex sentences subject-sharing type; nominative-phrase complication.

УДК 398.21

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению мифологических сказок Вороньего цикла. Целью исследования явилось выявление семантики и функции растительности, содержащейся в структуре фольклорного текста, определение специфических связей семантики растений с мифологией и ритуалами. Актуальность состоит в возможности введения новых научных данных исследования, полученных на материале культуры бесписьменных народов, в состав науки фольклористики. Перспектива исследования представляется в возможности выявления специфических связей между растительным и животным миром в обрядах и фольклоре народов Камчатки.

Ключевые слова и фразы: семантика; функция растений; мифологическая сказка; аборигены Камчатки; Вороний цикл.

Беляева Мария Евгеньевна

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга
belyumar64@yandex.ru

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ РАСТИТЕЛЬНОСТИ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ СКАЗКАХ АБОРИГЕНОВ КАМЧАТКИ©

Объектом данной статьи явился цикл мифологических сказок о Вороне (Кутхе-Куйкынню) в фольклоре аборигенов Камчатки, а ее предметом – семантика и функции растительности, содержащейся в сюжетах этого типа.

В качестве материала данного исследования выбраны опубликованные источники, архивные материалы, полевые данные. Нами использован фольклорно-этнографический материал, содержащийся в трудах

С. П. Крашенинникова [3], Г. В. Стеллера [12], В. И. Иохельсона [15], С. Н. Стебницкого [11], Е. П. Орловой [8], В. Н. Малоковича [5], сборник текстов «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки» [10]. Привлечены архивные данные, содержащиеся в фондах Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга (КамГУ им. Витуса Беринга), Краевого государственного бюджетного учреждения «Камчатский центр народного творчества» (КГБУ КЦНТ), и полевые записи, сделанные автором статьи в местах проживания коренного населения Камчатки.

Цель исследования состоит в выявлении семантики растений, их функций в структуре мифологической сказки аборигенов Камчатки на материале Вороньего цикла.

Цикл о Вороне в культуре палеоазиатов в жанровом отношении может быть классифицирован как синкретическое единство мифа и сказки, мифа и жанров несказочной прозы. Жанр «чистой» сказки (только с функцией развлекательности) не выделился в культуре бесписьменных народов [2, с. 18].

Много ценного внесли в изучение культуры ительменов и коряков ученые Камчатки – А. А. Гончарова [Там же], Т. А. Голованева [1]. В монографиях и статьях этих авторов выявлены такие специфические особенности фольклора аборигенов Камчатки, как синкретичность, наличие архаических мотивов в структуре текстов, указано на связь мифа и сказки. В них частично рассматривается и аспект, выбранный для нашего исследования. Однако специальных работ, посвященных семантике и функциям растений в прозе народов Камчатки еще нет, и данная статья – первая попытка подобного рода.

Из специфической сказочной картины мира цикла о Вороне мы выбираем лишь ее часть, представленную растительным кодом, и пытаемся осмыслить его семантику и функции. Для интерпретации любого произведения архаического фольклора необходимо иметь представление о мифологии и обрядовой практике данного этноса. Понять и истолковать семантику и функции растений без опоры на их мифологию не представляется возможным. Кроме этого, нужно уточнить теоретические аспекты исследования, связанные с такими понятиями, как обряд, миф, сказка. Необходимо разъяснение термина мифологическая сказка, которым мы пользуемся в работе.

Обряды – древнейшая часть культуры, теснейшим образом связанная с мифологией народа и в значительной степени определяющая сюжетные «ходы» всей народной прозы – сказочной и несказочной. Так, Кутх, Куйкыннику – прародитель, творец и культурный герой у ительменов и коряков, один из главных «персонажей» обрядовой практики, в то же время он является героем сказочно-мифологического эпоса этих народов.

В науке известны разные точки зрения на взаимосвязь обряда, мифа и сказки. Подробное их рассмотрение не входит в нашу задачу. В этом плане мы опираемся на труды В. Я. Проппа [9] и Е. М. Мелетинского [7].

Так, Е. М. Мелетинский, не соглашаясь с тезисом о примате ритуала над мифом, писал: «Другое дело, что миф и обряд в первобытных и древних культурах в принципе составляют известное единство (мировоззренческое, функциональное, структурное), что в обрядах воспроизводятся мифические события сакрального прошлого, что в системе первобытной культуры миф и обряд составляют два ее аспекта – словесный и действенный, “теоретический” и “практический”» [Там же, с. 37].

Записанный С. П. Крашенинниковым обряд «Алхалалалай» [3] может быть интерпретирован с учетом этих позиций. Нас интересует связь мифа и обряда со сказкой. Этому посвящена часть работы В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Ученый считает, что обряд может помочь объяснению сказочных мотивов, «многие мотивы только через сопоставления с обрядами получают свое генетическое объяснение». В. Я. Пропп размышляет также о процессе «перерождения мифа в сказку» и полагает, что он начинается «с открепления сюжета или акта рассказывания от ритуала» [9, с. 357].

В фольклоре аборигенов Камчатки не сложилась в целом жанровая система, и синкретичность жанров – отличительное её качество до настоящего времени. Применительно к сказкам цикла о Вороне мы пользуемся термином мифологическая сказка, так как сказки как жанра, имеющегося в фольклоре европейских народов, здесь нет.

Мифологическая сказка – это образование, которое находится «посередине между мифом и волшебной сказкой» [6, с. 59].

Наше общение с информантами убеждает, что они и сегодня верят в существование Кутха – Куйкыннику, Мити, их детей, как в действительно существующих, что идет от мифа. Этиологические концы корякских и ительменских сказок – тоже свидетельство этих связей, как и сохранившиеся мифологические оппозиции в составе сюжета мифологической сказки. От мифа остались и представления о двух мирах, по которым путешествует Куйкыннику. В Нижнем мире он может найти невесту для Эмемкута, своего сына. Кутх – Куйкыннику может достраивать мир, наводить космический порядок, как в известной корякской сказке о прекращении дождя.

При выявлении семантики и функций растительности в мифологической сказке коряков и ительменов мы учитываем все вышесказанное.

Труды С. П. Крашенинникова [3] и Г. В. Стеллера [12] «Описание земли Камчатки», в которых содержатся самые ранние записи материальной и духовной культуры аборигенов, остаются базовыми при обращении к этой культуре.

В книге Крашенинникова «Описание земли Камчатки» глава пятая «О произрастающих, особливо кочующих к содержанию тамошних народов употребляются», как видно из ее названия, посвящена флоре Камчатки. Он особенно выделил ту растительность, без которой не мог прожить «тамошний народ» [3, т. 1, ч. 2, с. 191].

Глава восьмая «О деревьях, кустарниках, растениях страны Камчатки» в книге Г. В. Стеллера представляет собой исследование ученого [12]. Он не только перечисляет различные виды растительности, но проводит их сравнение с видами других географических зон, указывая на сходства и различия. И С. П. Крашенинников,

и Г. В. Стеллер подробно характеризуют растительность Камчатки, их описания во многом совпадают, отличие состоит лишь в стилистической окраске подачи материала.

Большое внимание уделено тем травам, которые ительмены не только употребляли в пищу, но и использовали в качестве лекарства.

При описании различных видов осок, широко применяемых ительменами в хозяйственно-бытовой деятельности, даются и указываются их ритуальные функции. Так, Крашенинников пишет: «В великие праздники обвязывают ею свои головы, и болванов своих вместо венков и ошейников. Когда приносят жертву или убьют какого зверя, то за мясо зверю дают травяной веночек, чтоб не сердился, и не жаловался своим сродникам. То ж дельвали преж сего над головами своих неприятелей в том числе и россиан, накладывали на них травяные венки, и поворожа над ними по своему обыкновению втыкали головы на колье. Сия трава от казаков тоншичь и мятая трава, от большееречских камчадалов егей, а по Камчатке реке иимт называется» [3, т. 1, ч. 2, с. 238].

В известном ительменском празднике «Алхалалалай» содержатся многообразные символические действия, связанные с этой травой и другими травами.

В книге Г. В. Стеллера описаны пять сортов сараны, включая кимчигу, которая была особо почитаема у ительменов: она заменяла им хлеб и картофель [12]. Эта трава очень часто упоминается в Вороньем цикле в разных функциях, ею часто угощают Кутха.

Оба ученых делают выводы об универсальности применения растительности ительменами, без которой их жизнь была бы невозможна. Известно, что все, необходимое человеку в жизни, в культуре этноса подвергалось сакрализации.

Размышляя о специфике религиозных воззрений ительменов, автор приводит различные мифы о Кутхе, в основном о его проделках и озорстве. Ботаник и биолог, Г. В. Стеллер называет все это «гнусными и смешными рассказами», не классифицируя, разумеется, их как мифы и не отдавая отчета в их значимости для науки. В этих рассказах есть упоминания о растениях, ягодах. Так, например, он пишет о проделках Кутки (Кутхи): «Однажды ему удалось спастись от своих преследователей только тем, что во время бегства он стал испражняться всевозможного рода ягодами, что и задержало гнавших за ним» [Там же, с. 155]. Подобные примеры оцениваются им без учета мифологической направленности, по-бытовому, тогда как здесь налицо несомненная сакральность подобных магических действий Кутха, ительменского бога и прародителя.

Растительный мир в мифологических сказках Вороньего цикла достаточно разнообразен и представлен деревьями, кустарниками, травами, ягодами, грибами. Сказочное пространство, кроме берега моря, разных миров, Верхнего и Нижнего, того «света» нередко обозначается словами лес, тундра, куда герои идут охотиться, собирать ягоды, орехи. Если внимательно всмотреться в структуру мифологической сказки, то во многих сюжетах можно выделить семантику растительности, тяготеющую к открытой символической форме, другие сюжеты имеют направленность имплицитно символическую. Кроме этого, можно заметить, что в отдельных текстах семантика растительности ближе к бытовой, но с сохранившейся памятью о сакральном.

В процессе работы с текстами мы заметили, что символическая семантика растений способствует такой функции упоминаемого растения, как «движение» сюжета, хотя возможно и совмещение с побочными функциями. Чаще всего это сказки с брачным мотивом, мотивом «делания», творения и чудесного рождения.

Обратимся к текстам, в которых семантика растительности символическая (мифологическая), а ее функция – «движение» сюжета, его развитие.

В этом аспекте представляет несомненный интерес рассмотрение четырех вариантов одного сюжета сказки, в основе которого брачный союз Эмемкута, сына Кутхи, с женщиной-черемшой (два ительменских варианта), женщиной-цветком дикого лука (корякский вариант).

Завязкой ительменских вариантов сказок № 185, 186 [10] является указание двух сыновей Кутха пойти в лес, в тундру на охоту. Как видим, данное пространство приближает сказку к реальности (дополнительная функция). Неудача на охоте заставила братьев разойтись в разные стороны. Эмемкут пошел в лес и «нашел в глубине леса много черемши. Он её вместе с корнями вырвал, отнес наверх на увал, в балагане сложил, чтобы суп потом сварить» [Там же, с. 547]. Как видим, неудача сменяется удачей, что вообще свойственно жанру сказки.

Развитие сказочного действия будет обусловлено магическим превращением черемши в красивую девушку. Эмемкут обратился к брату, чтобы тот развел огонь и принес черемшу с балагана. Брат не находит черемши. «Видит – красивая девушка Марокльнавт причесывается, а черемши нет» [Там же]. Младший брат застенялся и возвратился без черемши с сообщением о девушке. «Эмемкут вышел во двор, увидел девушку. Сразу женился. Марокльнавт сразу родила» [Там же].

Первое чудесное рождение – превращение черемши в красивую девушку, на которой женится Эмемкут. Второе – девушка (трава) сразу родила ребенка. Девушка – растение (травяное богатство), «излишество» – вознаграждение героя, закрепление брака и установление связей с силами природы, растительности, без чего немислима жизнь коренных народов Камчатки.

Мотивы чудесного рождения и превращения, связанные с символической семантикой растения, являются основанием для дальнейшего развития сказочных событий.

В нашем случае нужно иметь в виду, что Эмемкут как сын Кутха сам наделен сакральностью. Отметим и такую особенность сказки-мифа, как инверсию. К. Леви-Строс в работе «В травяной лавке мифов» указывает на миф индейцев, имеющий широкое распространение. В нем рассказывается о девушке, родившей ребенка от корня травы (Дитя Корня). Но это были всегда те растения, которые незаменимы в жизни этих народностей [4, с. 12]. Эмемкут «вырвал траву вместе с корнями», корни отделил от питания земли: они умерли – но дали два рождения. Разумеется, это символическое представление о силе земли, растительности, бесконечном круговороте природы [2, с. 230-231].

В корякском варианте повторяется тот же тип завязки – выход братьев, сыновей Куткыннюку, из дома. Указывается, что они «уехали на охоту далеко в горную тундру» [5, с. 91]. И если в ительменской сказке он нашел черемшу и вырвал ее с корнями, выше указывалось на семантику этой детали, то здесь герой нашел «островок дикого лука». Особая деталь как прием «выделения» – указание на чудесный алый цветок. Его и срывает Эмемкут. Цветение – созревание (рождение) как природный и человеческий цикл здесь налицо. А само действие – срывание цветка, в традициях русских, например, с которыми коряки общались с XVIII века, символически означало желаемое сближение с девушкой, соединение в браке. В корякской сказке имплицитно содержится эпизод свадебного обряда – борьба с невестой, включен и мотив чудесного рождения, запрет и нарушение запрета. Повторяются, как видим, многие сюжетные эпизоды, известные по ительменским вариантам.

Корякский вариант отличается от ительменских большей определенностью в выявлении связей между сказочными событиями и хозяйственной деятельностью коряков, в частности, оленеводством. Так, намечается параллель: цветок дикого лука Эмемкут положил «на мешок из оленьих шкур», который был «расшит разными узорами» [Там же, с. 91-92]. Цветок превращается в прекрасную девушку, которую увидел Эмемкут сидящей «на белоснежной оленьей шкуре <...> Сидит, нарядные одежды бисером вышивает» [Там же, с. 92]. Более определенно включается в текст и часть свадебного обряда «Он взял её за руку и давай с ней бороться!» [Там же].

В нашу задачу не входит рассмотрение других аспектов сказки. Мы попытались продемонстрировать, что растения составляют основное смысловое ядро данных сказок, семантика растений в основном символическая, которая способствует развитию сказочного действия.

В корякском варианте упоминаются и ягоды – брусника, голубика, которых так много набирала Калы'марох'лянав, что включено в один ряд с ее действиями: «шила кухлянки, торбаса, юколу сушила, мясо варила» [Там же, с. 93] и характеризует ее как идеальную жену, одновременно указывая на бытовую деятельность корякской женщины.

Совсем недавно, в декабре 2014 года, в с. Тымлат Карагинского района записан еще один вариант корякской сказки данного сюжета. Он в основном содержит все те же сюжетные звенья, но их расположение дается в несколько измененной последовательности, и включаются дополнительные сюжетные ходы. Изменение коснулось начала сказки. Женой Амамкута (Эмемкут) также является женщина Виг'айимтылын – травинка, от которой рожден ребенок Амамкута Аняги. И как в предыдущих вариантах, именно с этой женой Травинкой связан весь дальнейший ход сказки, остается и мотив подмены жены, который вынуждает жену Травинку вновь обратиться к своей исконной природе. Информант рассказывает, что Виг'айимтылын сделала платье, одела сына в травяную одежду, сделала жилые из травы. Произошло возвращение к началу ее исконной жизни [13].

Во всех вариантах сказок Эмемкут (Амамкут) находит себе жену, не прилагая никаких усилий. И везде присутствуют растения – это жены Эмемкута (Амамкута), которые появились из черемши и цветка дикого лука, других трав. Браки в фольклоре коряков и ительменов главного героя Эмемкута «с женщиной-черемшой, женщиной-княженикой, женщиной-травой» указывают на связь с животворными растительными силами и весенним обновлением природы, знаком, метафорическим выражением которого являются травы и ягоды [6, с. 70].

В ительмено-корякский фольклор входят и другие сюжеты с брачным мотивом и мотивом чудесного рождения, в которых семантика растений имплицитно символична, но также способствует развитию сказочных действий и в которых определенную функцию выполняют другие растения, ягоды, такие как княженика, голубика. В них движение сюжета зависит от скрыто выраженной символической семантики растений. Как правило, в них также есть брачный мотив и мотивы чудесного рождения. В качестве примера можно привести ительменскую сказку «Борьба Кутха с Эмемкутом» [10]. Эмемкут встречается в лесу поющую Иянамльцах, обнимает ее «и сразу ребенок родился» [Там же]. Дальнейший ход сказки связан с борьбой Кутха со своим сыном из-за его жены Иянамльцах, которую Кутх хотел отобрать. Защищаясь от Кутха, Иянамльцах надела «колючую рубашку, из крапивы сотканную» [Там же]. Эмемкут подвергается различным испытаниям, но в финале побежденным оказывается Кутх, которого разорвали волки и медведи, «а Эмемкут стал хорошо жить» [Там же]. Сказка содержит мифологический мотив разрывания на части, этнографические детали, указывающие на крапиву как на растение, которое широко употреблялось в быту, о чем уже шла речь выше. Но здесь крапива, которую Эмемкут как мифологический (культурный герой) по свидетельству Крашенинникова и Стеллера дал ительменам, оставляет за собой свою сакральность и защищает его жену Иянамльцах.

Дети Кутха (Куйкыннюку) вступают в брачные отношения с растениями, ягодами и животными, которые в культуре аборигенов являются сакральными. Так, в корякской сказке о волке и дочери Куйкыннюку Тынынаут [Там же] рассказывается, как она, собирая ягоды в лесу, встречается волка, который избавил ее от тоски, совершив магические действия. Упоминание ягод, съедобных сладких трав обусловлено в сюжете и включением эпизода (праздника морских зверей), когда готовится блюдо «тылкытыл». Ягоды, собранные Тынынаут, и потребовались для этого блюда. Из мешка с голубикой появляется маленький мальчик, который оказался чудеснорожденным сыном волка и Тынынаут. Как видим, здесь семантика ягод сакральная, а функция их, так же как и в предыдущих примерах, частично способствует дальнейшему ходу событий. Тынынаут, дочь Куйкыннюку, способна на магические действия – превращения ягод в ребенка. К тому же и волк в культуре аборигенов включен в систему сакральных отношений и нашел отражение в обрядах и близнечных мифах.

Рассмотрим сказки с мотивом «делания» (человека, животных). Эти сюжеты достаточно разнообразны и представляют довольно развернутую картину о Кутхе (Куйкыннюку) и его семействе. Мотив «делания» «деревянного человека» (женщины) из ветки вместе с брачным мотивом составляет сюжетную основу мифологической сказки «Как Эмемкут человека из дерева сделал» [5, с. 20]. В сюжет включены магические действия

Эмемкута, напоминающие обрядовые: хождение по кругу, по солнцу. В структуре корякского обряда «Хололо» и ительменского «Алхалалай» присутствуют такие магические действия. Они нацелены на оживление животных, здесь же направлены на превращение деревянного человека в женщину. Функция этой сделанной из дерева женщины – найти жену Эмемкуту. Как и в рассмотренных выше сюжетах о сыновьях Кутха, сорванный сочный побег травы (пучки) сразу превратился в красивую женщину, на которой и женился Эмемкут. А деревянная женщина получила вознаграждение. Надетая на нее кухлянка превратила ее окончательно в настоящую женщину, и в финале сказки они все вместе возвращаются в стойбище Эмемкута.

В двух вариантах ительменской сказки о замужестве дочерей Кутха присутствует мотив «делания» животных из растительности: кипрея, ягод [10]. Здесь мотив «делания» сопровождается другим архаическим мотивом «превращения». Дочери Кутха превращаются в животных, которых они делали из растительности. Животные – медведь и олень, должны приманить охотников – будущих женихов.

Второе превращение – рождение заново: из брюха животных появляются красивые женщины, на которых сразу женятся охотники. И в том, и в другом варианте один из охотников, который должен застрелить животного, дается внешне «сниженно»: «Лук у него из прутьев, стрелы из веток, наконечники из верхушек ольхи, и упряжка у него из мышей» [Там же]. Эта «сниженность» снимается, если вспомним мифологию и обряды аборигенов.

Упомянутое дерево ольха – дерево сакральное, а мыши воспринимаются аборигенами Камчатки как отдельный народ. И герой, имеющий ко всему этому отношение, делается частью этого сакрального мира. Неслучайно здесь и третье превращение – «низкий» герой превращается в красивого юношу и женится на младшей сестре.

В этом сюжете даны два пространства – одно связано с морем, другое – с землей. Земное пространство дано через богатую растительность: упоминаются травы и ягоды, морошка, пучки, кипрей, кутагарник, шелмайник, которые употребляются ительменами в пищу, а также в медицинских целях. Таким образом, и этот сюжет «двигается» наличием в сказках растительного мира.

Мотив «делания» из травы, цветов кукол и превращения их в людей часто встречается в сказках, где главным героем является сам Кутх (Куйкыннюку). Дальнейшее движение сюжета связано с этими сделанными из природного материала людьми, как в одной из сказок анекдотического характера, которых немало в цикле о Вороне.

Эмемкут – сын Куйкыннюку влюбился в красивую девушку, которая на самом деле была его отцом – озорником Куйкыннюку, а матерью стала сделанная Куйкыннюку из цветов кукла. В сказку включается и обычай «отработки за невесту», которую так хотел заполучить Эмемкут. В финале хитрость Куйкыннюку разгадана: «кукла» – мать «невесты» рассыпалась на мелкие листья под ударом Эмемкута, а невеста стала вновь Куйкыннюку: «Приходит Эмемкут домой и сзади его пришел его отец» [14, с. 27].

С мотивом «делания» и, как обычно, брачным мотивом, разворачиваются и другие сюжеты. Главной героиней в них выступает Синаневт – дочь Кутха. Эти сказки записывались у ительменов, поэтому в них «делание» предстает в форме плетения из крапивы. Из мифологии ительменов известно, что как «сам Кутху, так и жена его и дети носили платье из листья шитое», «Тыжил-кутху (сын его) при умножении своего рода начал размышлять о лучшем содержании, вымыслил вязать из крапивы сети и ловить рыбу, а как лодки делать, оно ему еще от отца показано» [3, т. 2, ч. 3, гл. II, с. 72]. Крапива и в бытовой жизни ительменов очень широко применялась: ею питались, лечились, она была материалом для изготовления различных бытовых предметов.

В известных ительменских сказках о бескрылом гусенке Синаневт делает гусенку «травяные метелки для крылышек», с помощью которых гусенок приобретает силу и может лететь со своими родителями. Причем крылья-метелки рукодельница Синаневт делает трижды, как нередко встречается в сказочной традиции, и самыми прочными оказались третьи крылья. В других вариантах Синаневт спасла бескрылого гусенка, сделав сетки из крапивы, что было присуще быту ительменов и дошло до нашего времени. В знак благодарности гуси отдают Синаневт своего старшего сына, который стал ее мужем [8]. Как видно из финала, брачный мотив в скрытом виде присутствует и в данных вариантах сюжета. По мнению Е. М. Мелетинского, в них присутствует «завуалированный календарный код» [7, с. 246].

Жизнь аборигенов Камчатки во многом зависела от растительного и животного мира. Растительность употреблялась ими в пищу, они спасались ею от разных болезней. Травы и деревья широко использовались в хозяйственно-бытовой деятельности. Все это приводило к сакрализации растительности, так как, по мнению архаического человека, сакральное, воспроизводимое ежегодно обрядами не дает истощиться ее богатствам.

Все виды сказок ительменов и коряков включают большое количество трав, ягод, кустарников, деревьев. Выбранные для анализа нами мифологические сказки Вороньего цикла также содержат различные виды растений, с семантикой которых связано развитие сюжета. В них, как правило, присутствуют брачные мотивы, мотивы «делания» (из трав, деревьев), чудесного рождения. Дети Ворона вступают в браки с травами, птицами, животными, что метафорически указывает на связь с природой, тем самым выявляется функция присвоения.

При интерпретации сказок обнаружено, что семантика растений может иметь открытую символическую направленность, выраженную имплицитно, встречается и бытовая направленность, но с памятью о сакральном. От формы семантики растений зависит развитие сказочного действия.

В анализируемых текстах нами обнаружены реликты обрядов, мифологические оппозиции, что подтверждает теорию о насыщенности жанровой системы фольклора обрядами и мифологией этноса.

Сведения об информанте

Такьявина Дарья Васильевна, корячка береговая, пенсионерка, родилась 12 августа 1940 года в с. Подкагерное Пенжинского района Камчатской области, не владеет русским языком. Сказка сохранилась в ее памяти со слов матери. Записана на корякском языке (перевод специалиста Камчатского центра народного творчества Сорокина Анатолия Анатольевича).

Список литературы

1. Голованева Т. А. Три сюжета из Вороньего цикла: поэтика и этнографические параллели. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2006. 137 с.
2. Гончарова А. А. Мифология и фольклор коренных народов Камчатки: учеб. пособие. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. 293 с.
3. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки (репринтное воспроизведение издания 1755 года): в 2-х т. СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994. Т. 1. 438 с.; Т. 2. 319 с.
4. Леви-Строс К. (Париж). В травяной лавке мифов // От мифа к литературе: сборник в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского / Российский государственный гуманитарный университет. М.: Российский университет, 1993. С. 11-20.
5. Малюкович В. Н. Кутккыннюк. Петропавловск-Камчатский: Белый шаман, 2001. 183 с.
6. Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1979. 228 с.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. 407 с.
8. Орлова Е. П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб.: Наука, 1999. 199 с.
9. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 365 с.
10. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / сост., предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. 139 с.
11. Стебницкий С. Н. Очерки этнографии коряков. СПб.: Наука, 2000. 236 с.
12. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. 287 с.
13. Такьявнина Д. В. Сказка «Виг'айимтыльын – девушка-травинка» // Личный архив Беляевой М. Е. Экспедиция в с. Тымлат Карагинского района. 2014. 10 декабря.
14. Фольклор народов Камчатки: из архива Г. Г. Поротова: сб. / авт.-сост.: М. Е. Беляева, А. А. Гончарова. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2012. 64 с.
15. Jochelson W. The Koryak // The Jesup North Pacific Expedition. Leiden – New York, 1908. Vol VI. Pt (1). С. 1-362.

**SEMANTICS AND FUNCTIONS OF VEGETATION
IN MYTHOLOGICAL FAIRY-TALES OF THE KAMCHATKA ABORIGINES**

Belyaeva Mariya Evgen'evna
Vitus Bering Kamchatka State University
belymar64@yandex.ru

The article is devoted to the examination of mythological fairy tales of the Raven's cycle. The purpose of the study has been to reveal the semantics and functions of vegetation, contained in the structure of a folklore text and to define the specific connections of plants semantics with mythology and rituals. The topicality consists in the possibility of introducing new scientific data of research, received by the material of culture of nonliterate peoples, into the structure of folkloristics. The perspective of the study is presented in the possibility of revealing specific connections between flora and fauna in the rituals and folklore of the peoples of Kamchatka.

Key words and phrases: semantics; the function of plants; mythological fairy-tale; the Kamchatka aborigines; the Raven's cycle.

УДК [811.112.2+811.111]:81'362

Филологические науки

В статье описано возникновение сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания, его современное развитие. Также в статье рассматриваются связь современного сравнительно-исторического языкознания с другими разделами языкознания, современные тенденции использования сравнительного метода в других лингвистических исследованиях.

Ключевые слова и фразы: сравнительно-историческое языкознание; сопоставительное языкознание; сравнительная типология; история; современное развитие.

Бирюкова Евгения Викторовна, д. филол. н., доцент
Попова Лариса Георгиевна, д. филол. н., профессор
Московский городской педагогический университет
Evb1303@rambler.ru; Larageorg5@gmail.com

**О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО,
ТИПОЛОГИЧЕСКОГО, СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ©**

Юбилею великого ученого и учителя И.-Э. С. Рахманкуловой посвящается.

Уже на рубеже XVIII века стало очевидным, что без рассмотрения многообразия языков невозможно дальнейшее изучение лингвистики. Необходимым было использование новых методов исследования языка, которое объясняет многообразие языков и их единство, исходя из самого языкового материала [2].